

ДОСКИ СУДЬБЫ

НУ КАКАЯ ЖЕ ЭТО СТАРОСТЬ?

С Елизаветой Алексеевной Лобачевой я познакомился почти случайно, хотя, кто его знает, случайно ли. Готовился сборник материалов к 50-летию Московского хорового училища им. А. В. Свешникова, где она по приглашению "самого" проработала зав. дирижерско-хоровым отделением свыше 15 лет. Книга вышла; статья о Свешникове называется "Величайший талант" и рассказывает о конце 40-х — начале 50-х, когда начиналась педагогическая деятельность Лобачевой.

Годы были трудные, работать приходилось много — и в консерватории, и в музыкальных училищах, и в художественной самодеятельности. Много лет посвятила она известному Детскому хору Института художественного воспитания. Свыше четверти века беспрерывно руководила созданным ею при ЦДРИ хором московской молодежи, одним из известнейших в ту пору коллективов, ставшим дипломантом VI и XII Всемирных фестивалей молодежи и студентов. Теперь его возглавляет ее дочь Л. А. Степчкова, прошедшая путь от певицы до хормейстера и главного дирижера. Внук дирижером не стал, но зато правнучка еще может вернуть все "на круги своя"...

Прожив такую большую творческую жизнь, Елизавета Алексеевна помнит и знает многих. Любит писать, причем и стихи и прозу. Особое место в ее литературных трудах занимают воспоминания о консерватории, о знаменитых, легендарных хормейстерах, у которых училась, с кем общалась и работала, а среди них такие корифеи русской школы, как Н. М. Данилин, П. Г. Чесноков, В. П. Мухин, А. В. Свешников, В. В. Ровдо и многие, многие другие. Сашу Юрлова и Володю Минина помнит еще первокурсниками. Воспоминания эти лучше всяких лекарств — они дают ей радость, силу и молодость духа. Все бы хорошо, если бы еще здоровье не подводило.

Сегодня в авторском портфеле Лобачевой уже несколько книг и статей. Одна из первых датируется 1954 годом, а два года назад при поддержке бывших учеников и хористов увидела свет и ее новая книга "Я зову бывшее на совет...". Ей предпосланы слова: "Пение — лучший путь к душе человека. Пока живы язык и песня, люди будут знать и помнить историю своей Родины". Здесь и рассказ о жизни, отразившей множество прекрасных и трагических

Рос. мзз. газета. — 1998. — май (№5). — с. 11

страниц истории страны, и память о близких и дорогих людях — родных, учителях, учениках, друзьях и, конечно же, признании в любви своей профессии. "Не скрою, что в молодые годы, — пишет Лобачева, — я мечтала стать киноактрисой, певицей, но жизнь распорядилась иначе — стала хоровым дирижером. Именно в этой специальности я нашла для себя все: я — организатор, руководитель, педагог; я — режиссер; я — художник; я — певица, актриса. И я же — дирижер... Я отношусь к своей профессии неистово-влюбленно".

Это свое неистово-влюбленное отношение к профессии она передала и ученикам. Среди них В. Кикта, Р. Перегудова, И. Журавленко, С. Строкин, А. Наумов, В. Горюнов, Г. Дударев, С. Анашкин, Ю. Тучнина, Ю. Иоселиани, Н. Добровольская — видные деятели современной хоровой культуры, педагоги и регенты, композиторы и дирижеры, певцы и исследователи.

До сих пор в ее гостеприимном доме бывают В. Ровдо, В. Минин, Б. Баранов, А. Наумов и, конечно же, певцы из некогда знаменитого хора ЦДРИ. Здесь за чашкой чая всегда можно услышать живые рассказы о памятных эпизодах из жизни знаменитых хоров и их руководителей — истории, которых не сыщешь ни в каких статьях и учебниках.

И всегда рядом с юбиляршей ее муж Николай Васильевич — большой любитель, знаток и тонкий ценитель исполнительского искусства, который и сегодня внимательно следит за концертной афишей и радиопрограммой и по-прежнему в курсе творческих замыслов своей супруги, ее друзей и учеников.

Свое 70-летие Е. А. Лобачева отмечала в Колонном зале Дома союзов, а 26 апреля по традиции приглашала в Дом медиков, где базируется созданный ею академический хор. От всей души присоединяемся к поздравлениям и мы. При этом, глядя на жизнедеятельную юбиляршу, в который уже раз задаешься вопросом: "80! Ну какая же это старость?"

А. ТЕВОСЯН.

Елизавета ЛОБАЧЕВА О САШЕ ЮРЛОВЕ

Сашу Юрлова я помню с 1945 года, когда он вместе со своими одноклассниками Юрой Улановым, Толей Ушкаревым и Володей Мининым поступил на дирижерско-хоровую факультет Московской консерватории. Именно в этот сезон состоялся 77-й выпуск.

Впервые к женскому составу хора, который пел в течение всей войны, прибавились мужчины. Это были наемные певцы профессиональных хоров и те самые "мужчины", которые пришли к нам из руководимого А. В. Свешниковым Московского хорового училища. Этих "мужчин" взрослые студентки любовно называли "курчатами".

Они сразу же покорили всех нас, великовозрастных студентов, своей блестящей музыкальной выучкой: сольно пели абсолютно свободно, знали все законы хоровой звучности, великолепно владели фортепиано и были очень хорошо воспитаны.

Саша был длинненький, как тростинка, худенький, стройный, бледнолицый юноша с весьма аристократическими манерами: здороваясь, шаркал ножкой, склонял почтительно голову, предлагал вовремя стул, подавал женщинам пальто и т. д.

Освоившись среди взрослых, молодые люди, и особенно Саша, понимая превосходство своей подготовки, любили подшутить над готовившими свою программу дипломниками. Нередко, проверяя, как слышит будущий хормейстер, они вставляли в аккорд посторонние звуки или умышленно детонировали. Потешались над теми, кто не замечал этого, потихоньку шалили, но стоило им убедиться, что их проказы не остались без внимания, тут же включались в серьезную работу.

Весь консерваторский курс Саша учился в классе дирижирования у тогда еще совсем молодого человека — Сергея Сергеевича Благообразова, одаренного музыканта-композитора, хормейстера, педагога, образованного, интеллигентного человека.

Когда Саша Юрлов заканчивал I курс, С. С. Благообразов пригласил меня и М. Бондаря в класс, чтобы показать своего студента перед экзаменом и дать ему возможность "порепетировать". Он дирижировал сцену "Под Кромами" из оперы "Борис Годунов" Мусоргского. Мы были поражены объемом исторических и музыкальных знаний юноши, логикой мышления и красотой его литературного русского языка. А главное, что нас просто потрясло — это необыкновенная артистичность и жгучий темперамент. Руки его, тогда еще достаточно "угловатые", были далеки от рамок академических условностей — они были выразительны!

Позже, как и все остальные "мужчины", Саша пел у меня на дипломе и очень искренно помогал всем, чем мог. Надо сказать, что эту замечатель-

ную черту он сохранил на всю свою жизнь и, как известно, бескорыстно, по-христиански помогал очень многим людям. Как-то после одной из репетиций мы шли в сторону Никитских ворот. Остановились на углу, недалеко от небольшой старенькой полузаброшенной церкви. (Теперь эта церковь Федора Студита полностью восстановлена.) И вдруг Саша говорит: "А если благовест был бы, представляете, какая красота?" Я удивилась и почти машинально спросила: "Саша, ты комсомолец?", на что он ответил: "Ну да, все ведь теперь комсомольцы".

После очень успешного окончания консерваторского курса А. В. Свешников взял своего бывшего питомца на работу в родное училище и хормейстером в прославленный Государственный русский хор Союза ССР.

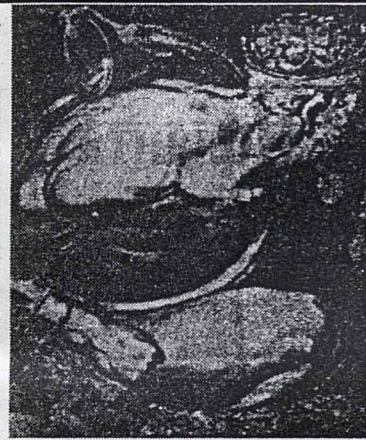
Получив возможность проявить себя, окрыленный этим, молодой музыкант, естественно, вполне искренно старался показать все, на что способен, проявляя при этом весь свой, хотя и нарождающийся, но уже недюжинный организаторский, педагогический и артистический талант. В коллективе артистов хора и в училище его полюбили, что, видимо, стало раздражать властного учителя, и он, как "шутили" в московских хормейстерских кругах, "сослал" его в Бакинскую консерваторию, а на его место взял другого своего ученика — Ю. Уланова, а позже — талантливого Володю Минина.

Не знаю, сколько лет Саша работал вне Москвы, но знаю, что очень успешно. Мы вновь встретились с ним в год его назначения Министерством культуры на должность заведующего кафедрой хорового дирижирования Института имени Гнесиных, а также — художественного руководителя старейшего, прославленного коллектива Республиканской капеллы, которым долгие годы руководил видный хормейстер А. Степанов.

Очень скоро Москва почувствовала нового лидера хорового искусства. Капелла резко изменила свой творческий облик.

Для работы над "Патетической ораторией" Свиридова был приглашен народный артист СССР Александр Ведерников, один из лучших басов того времени, и основанный мною в 1954 году самостоятельный Хор московской молодежи при ЦДРИ.

Поначалу шла тщательная, трудная, кропотливая работа по хоровым партиям. Непривычные обороты музыкального языка Свиридова давались певцам нелегко. Опытные хормейстеры Р. Перегудова (Бакур) и Г. Са-

вельев работали с большой отдачей и мастерством. Каждая хоровая партия побывала и в руках самого Александра Александровича. Когда же под его руководством начались объединенные репетиции двух хоров, певцы моего хора были просто зачарованы человеческим обаянием и мастерством стоящего перед ними совсем еще молодого человека с властным, сильным характером. Репетиции напоминали спектакли.

Работать в содружестве с большим художником было очень интересно. Его темперамент и свободный от рамок академических условностей дирижерский жест захватывали, полностью подчиняя себе исполнителей. Качеству певческого звука Александр Александрович придавал огромное значение. При этом, добиваясь нужной, правильной интонации и особой окраски слова Маяковского, он не боялся отходить от академической манеры звучания. В этом он был последователем своего учителя А. В. Свешникова, который некоторое время работал во МХАТе-2 и воспринял там школу драматического искусства. Саша был хормейстер-артист. Именно это качество и, безусловно, мастерство дирижера выгодно отличали его от современников.

В последний раз мы встретились с Сашей Юрловым (так я звала его до конца дней) случайно, на остановке троллейбуса у Никитских ворот, где-то в сентябре 1972 года. Он был непривычно тучен и сильно "навеселе". Таким я его видела в первый раз. Обычно оптимистически настроенный, на сей раз он был в очень плохом расположении духа. Лейтмотивом нашей недолгой беседы, а скорее его рассказа о себе, было — "все везде не хорошо: трудно работать, мешают, ставят палки в колеса". Причем это говорилось с болью и оставило у меня очень тяжелое впечатление. Подошел троллейбус. Облобызав меня, он по-джентльменски подсадил меня на подножку, и мы расстались. Как оказалось, навсегда.